

основы семейной жизни» – это лишь один из примеров применения в качестве решения наболевших социальных проблем педагогических технологий. Хотя разводы, неполные семьи, несовершеннолетние матери и матери-одиночки; аборт, нежеланные дети, дети-подкидыши и социальные сироты; ВИЧ–СПИД, инфекции, передающиеся половым путем, промискуитет, проституция и наркомания; инфантилизм, гомосексуализм, изменение своего тела и пола, а также другие симптомы социопатии – это далеко не все «бичи» современного общества.

Надо отметить, что эффективное решение любой социальной проблемы зависит от применения комплексного мультидисциплинарного подхода, суть которого – поиск решения одной и той же социальной проблемы в команде со специалистами разного профиля: психологами, юристами, врачами, представителями Церкви и другими, а также путем рассмотрения социальной проблемы через призму разных общественно-гуманитарных наук и, в частности, двух названных – социальной работы и педагогики. Главное – найти точки соприкосновения.

Список литературы:

1. Козуляева, Н. Е. О нравственном воспитании в российской школе / Н.Е. Козуляева. – СПб.: Русская симфония, 2008. – 768 с.
2. Основы христианской культуры. Сборник учебных программ для общеобразовательных учреждений и средних специальных учебных заведений / Сост. Булатова В. И. – Екатеринбург: Изд-во Уральского Университета, 2005. – 132 с.
3. Рахимова, И. А. Нам не жить друг без друга / И.А. Рахимова.– М.: Изд-во Московской Патриархии РПЦ, 2011. – 384 с.

***З. В. Хохрина,
Т. М. Гончарова,
г. Красноярск***

К вопросу культурно-цивилизационной специфики идентичности

Социокультурные вызовы глобализации и проблема культурно-цивилизационной специфики общества встала на рубеже XX и XXI вв. чрезвычайно остро благодаря глобализационным процессам. Социокультурные вопросы глобализации заставили исследовать такие феномены, как социальная идентичность (во всей ее комплексности), идеология, религия, массовая культура, психология и т. д. Экономические и политические вопросы глобализационных процессов были исследованы раньше, чем проблема идентичности, которая получила

внимание со стороны исследователей позднее. Важность этого явления признается сегодня доминирующим над другими сферами. Обще-признанно, что глобализация несет с собой не только преимущества, но и угрозы. Глобализационные вызовы в социокультурной сфере исследованы недостаточно. Что конкретно представляют собой эти угрозы? Какие возможны последствия для общества, ставшего перед социокультурными вызовами глобализации? Как связаны эти вызовы с культурно-цивилизационной спецификой того или иного общества? Какие конкретно сферы социума являются приоритетными объектами вызовов такого рода?

Проблема идентичности в условиях глобализации приобрела новую актуальность для всех наций без исключения. Понятие идентичность появилось в научной школе приблизительно в конце 70-х годов XX в. Его начали широко применять социологи, культурантропологи, философы, литературоведы, не говоря уже о журналистах, телекомментаторах, общественных и политических деятелях.

Сначала под идентичностью понималось «субъективное вдохновенное ощущение тождества и целостности», «длящееся внутренне равенство с собой», «непрерывность самопереживания индивида». Именно так трактовал идентичность В. Джеймс и другие известные западные ученые. Однако такая трактовка идентичности не закрепилась в научной литературе. Вскоре появились иные трактовки идентичности, ряд из которых широко используется при решении различных научных задач и сегодня.

В научной литературе существует более двух десятков дефиниций идентичности, выработанных различными авторами. В частности специалистами в области международных отношений идентичность определяются:

- как набор смыслов, с помощью которых субъект строит свои взаимоотношения с окружающей социальной средой посредством нормативного дискурса, в котором решающую роль играют метафоры, символы, имиджи;
- как относительно стабильные представления и ожидания субъекта исторического действия в отношении самого себя, имеющие концептуальную основу и составляющие социальную структуру мира;
- как «когнитивные схемы», помогающие действующим субъектам социализироваться и позиционироваться с точки зрения своих ролей.

Представители культурологической науки определяют идентичность как социокультурный феномен, который складывается

из совокупности отношений (практик) человека с природным и социальным миром, в результате чего рождаются такие идентичности как архаический тотемизм, этническая, национальная и многие другие идентичности.

Социологическая наука, занимающаяся исследованием политической сферы жизни общества, определяет идентичность как осознанное самоопределение избирателя.

Э. Фромм определяет идентичность, как суть показатель определенного уровня комфортного существования и одновременно — инструмент для оценочного сравнения.

Идентичность не существует вне механизмов социальных связей и, следовательно, «социальна» по своей природе. Как система координат личности она выстраивается по отношению к «другому» («другим»), формируясь в процессе отождествления с рядом качеств либо их отторжения («негативная идентичность», «идентичность отрицания»). Но имманентной составляющей идентичности является ориентация на «готовые» образцы (на то, что «уже было», что утвердилось как социально значимое). В этом смысле можно говорить о традиционалистском (как обращенном к готовым, устойчивым формам) векторе становления идентичности. В процессе такого обращения происходит корректировка готовых форм (обычаев, обрядов, ритуалов, стилей поведения и т.п.) в соответствии с индивидуальным опытом, а также модернизация идентификационных характеристик. В основе этого процесса — положительное восприятие традиции и обычая — качество, которое можно назвать «позитивным традиционализмом». Следует заметить, однако, что эти групповые ориентации далеко не всегда коррелируют с приоритетами большого сообщества и с гражданской ответственностью.

Хотя в исследованиях по проблемам идентичности речь зачастую идет о разных идентичностях (национально-цивилизационной, государственной и гражданской, локальной, социальной, профессиональной, этнической, конфессиональной, культурной и т.д.), правомерно в рамках данного выше толкования говорить о различных «составляющих» идентичности. Такой подход дает возможность выстроить исследовательскую иерархию идентичности, хотя сама идентичность по своей природе не иерархична. Однако оценка значимости ее конкретных составляющих для личности, группы, большой социальной общности — один из ключевых инструментов анализа ментальности и национальной картины мира.

Исследование такого компонента идентичности, как национально-цивилизационный, позволяет дать анализ уровня социальной сплоченности и жизнеспособности национального сообщества и культурных

ресурсов его воспроизводства. В поликультурном обществе это единство все чаще оказывается разорванным: национальное подменяется этническим или этноконфессиональным разнообразием, а цивилизационная составляющая сводится к экономическому и политическому универсализму (рынку и демократии, ориентированным на западные образцы). Анализ проблем российской идентичности дает основание выделять именно ее национально-цивилизационную составляющую как понятийное единство. Это связано с характером российской модернизации и разнонаправленными векторами трансформации социокультурной идентичности российского общества в условиях глобализации.

В условиях современной России национально-цивилизационная составляющая идентичности приобретает особое значение по сравнению с другими ее составляющими. Без отчетливой национальной или национально-цивилизационной идентичности институциональная структура общества не может быть стабильной, а развитие общества — устойчивым. В отличие от западных стран ни в Российской империи, ни в Советском Союзе процессы формирования нации-государства не получили достаточного развития и были замещены развитием имперской по своей сути политической структуры. В результате формирование российской нации оказалось чрезвычайно замедленным, и после распада СССР обнаружилось, что национальная идентичность в России далеко не сложилась. По словам Э. Паина, этому способствовали два фактора: «Во-первых, жители Российской Федерации, еще в тот период, когда она была одной из 15 республик СССР, редко ассоциировали себя именно с Россией, считая своей родиной весь Советский Союз. Поэтому его распад болезненно переживался большинством россиян, привыкшим жить в большой стране. Во-вторых, общероссийская идентичность не рождалась в ходе национальных движений, как в других новых независимых государствах; напротив, националисты различных направлений препятствовали, в различной мере и в разных формах, развитию единой гражданской идентичности жителей России».

Поэтому особое значение приобрело цивилизационное измерение идентичности, которое традиционно играло значительную роль в России и выражалось в ее особом позиционировании как по отношению к западной цивилизации, так и по отношению к восточным цивилизациям (Китаю, Индии, исламскому миру). Учитывая, что религия играет важную роль в формировании цивилизационной идентичности, следует вспомнить, что православие в России до 1917 г. было основой российской идентичности как таковой; при этом православие по своим политическим и социокультурным принципам существенно отличалось как от западного католичества и протестантизма, так и от восточных

религий – ислама, буддизма, индуизма, конфуцианства. После 1917 г. функции религии, хотя и в своеобразной, превращенной форме, во многом выполняла официальная коммунистическая идеология, которая претендовала на создание принципиально новой советской цивилизационной общности, отличающейся от всех известных истории цивилизаций. Наконец, не следует забывать, что сама система базовых ценностей, которые традиционно разделяло большинство населения России, существенно отличалась как от западноевропейской системы ценностей, так и от систем ценностей восточных цивилизаций. Вслед за распадом СССР неизбежно последовал и крах советской идентичности, которая на протяжении семи десятилетий определяла психологию и массовое сознание подавляющего большинства жителей России.

Россия после распада СССР фактически оказалась вынужденной самоопределяться одновременно и как национально-государственное образование (Россия как новое государственное образование, как одно из государств СНГ), и как цивилизационно-культурное образование (Россия как ядро постсоветского экономического и культурно-цивилизационного пространства). Оба эти процесса протекают достаточно сложно, противоречиво и сопровождаются многочисленными политическими, социальными, этническими, культурными конфликтами как внутри самой России, так и за ее пределами. Чрезвычайно важное воздействие на процессы формирования новой российской национально-цивилизационной идентичности оказывает современная глобализация. Это воздействие является неоднозначным. С одной стороны, глобализация делает относительно прозрачными границы между нациями и государствами, ставит под вопрос прежнюю роль нации-государства и связанную с ним национальную составляющую идентичности. С другой стороны, та же самая глобализация, способствуя сближению и интеграции различных социальных и этнических общностей, усиливает потребность в определении своей культурной и цивилизационной идентичности. На это обстоятельство, в частности, указывал С. Хантингтон: «Взаимодействие между народами разных цивилизаций усиливается. Это ведет к росту цивилизационного самосознания, к углублению понимания различий между цивилизациями и общности в рамках цивилизации». Очевидно, что в условиях современной России процессы глобализации существенно модифицируют формирование национально-цивилизационной идентичности, во многом направляя его в новое русло, сталкивая идентичности разных уровней и создавая своеобразную «мозаичную» идентичность. Немалое воздействие на процессы складывания российской национально-цивилизационной идентичности оказывает также развитие и использование

информационных технологий, создающее основу так называемого «информационного общества». Это воздействие также является сложным и неоднозначным по своим последствиям. С одной стороны, разрушение информационных барьеров, существовавших на протяжении всего советского периода, привело к расширению информационного кругозора российских граждан, к освоению ими принципиально новых способов поведения и коммуникации, которые способствовали формированию новых элементов и составляющих идентичности. С другой стороны, средства массовой информации и в самой России, и за ее пределами, включая развитые западные страны, весьма далеки от объективности и часто используются в целях манипулирования общественным мнением. В результате у многих россиян (равно как и у граждан других стран) нередко формируются искаженные образы и самих себя, и людей других национальностей; это ведет к усилению негативной идентификации по отношению к «чужим», которые якобы принципиально отличаются от «своих» (от «нас»). В то же время встречные потоки информации и дезинформации («частичной», односторонней информации), двойные стандарты, доминирование на телевизионных экранах худших образцов «массовой культуры» и т.п. часто дезориентируют человека, разрушают его внутренний мир и те основы необходимой солидарности с другими людьми, без которых невозможно ни формирование гражданского общества, ни складывание устойчивой национально-цивилизационной идентичности.

На поиски и формирование национально-цивилизационной в России заметное влияние оказывают объединение Европы и расширение Европейского союза на восток. Несмотря на всю сложность и противоречивость представлений о «европейской идентичности», они постепенно утверждаются, что ставит перед россиянами вопрос о том, принадлежит ли Россия к «большой Европе» и являются ли граждане России европейцами. В настоящее время в российском обществе по этому вопросу нет консенсуса, хотя в целом доминирует стремление развивать с объединенной Европой тесные экономические, политические и культурные отношения. В то же время следует учитывать, что Европейский союз пока что не только не стремится включить в свой состав Россию, но и весьма опасается этого. Такая ситуация существенно ограничивает возможность укоренения европейской идентичности в России, хотя отнюдь не исключает ее полностью.

Наиболее существенные препятствия на пути сближения России с Европой, как представляется, лежат не в области географии (как известно, Россия располагается и в Европе, и в Азии) и даже не собственно в сфере экономики и политики (хотя экономические и политические

нормы жизни постсоветской России весьма отличаются от европейских стандартов), а прежде всего в области культуры, в доминирующей системе ценностных ориентаций. В этом плане весьма показательна следующая констатация Е. Водичева: «Однако может ли укрепление европейской идентичности произойти за счет растворения в ней культурной идентичности России? Думается, что нет. Во-первых, потому, что сам факт их существенного отличия от европейских культурных традиций и ценностей неоспорим, при наличии многих общих исторических корней и традиций, культурная идентичность России системно отличается от культурной идентичности большинства европейских стран. Во-вторых, с точки зрения культурных традиций и культурного потенциала российское общество по-прежнему очень сильно. Это исключает ассимиляционный вариант – т.е. возможность “растворения” России в Европе. Более того, попытки подобной ассимиляции были бы опасны и для самой Европы, поскольку они несут в себе потенциальную угрозу уменьшения степени интегрированности европейской культурной идентичности. Однако и отказ от сближения с Европой был бы чреват для России усилением “евразийского” начала в ее культуре и политической традиции, что для Европы могло бы стать катастрофой».

В этой связи вполне допустимыми являются термины, относящиеся к проблемам социокультурной безопасности социума, такие, как «символическая вооруженность» или «развитость символических систем». Чтобы общество могло стать и субъектом данного глобализационного процесса, необходимо, чтобы собственные символические комплексы были хорошо структурированы, в полной мере институционализированы, в известном смысле, достаточно агрессивны. Только в этом случае данный социум сможет не просто сохранить себя перед угрозой вызовов глобализации увеличить собственные «жизненные шансы», цена которых в сегодняшнем мире очень высока.

Как известно, «идеальные типы» существуют только в идеале, поэтому в реальности каждая культура-цивилизация включает в себя черты традиционности и современности, речь здесь, следовательно, может вестись об «удельном весе» данных феноменов и используемых обществом механизмов интеграции. Наряду с этим, заметим, что доминирующую роль в определении к цивилизационного профиля вообще, и культуры повседневности. Глобализация может пониматься как бесконечный синтез нескольких дисциплинарных подходов. Таким образом, каждое исследование определенного измерения глобализации, – экономического, политического, социально-психологического, социокультурного и т.д. – требует специфичной концептуализации.

Действительная многомерность данного процесса с неизбежностью заставляет учитывать и обратные эффекты феноменов. То есть при анализе глобализационных процессов в обществе необходимо учитывать, например, то обстоятельство, что они может нести с собой как модернизационный импульс, так и угрозу демодернизации, выступать как феноменом эволюционного порядка, так и явиться фактором регресса и деградации.

Но оно было принципиально возможным, в силу того, что ментальность и мышление представителей китайско-конфуцианского культурного ареала парадоксальным образом близки ментальности и мышлению европейского типа – в части рациональное прагматизма, нескованности религиозной догмой, ориентации на успех в мире. Тем самым при ближайшем рассмотрении, «ошеломительность» успехов национально-экономического развития и, в общем, достаточно гармоничного внедрения в обществах китайско-конфуцианского культурного ареала демократических институтов теряет значительную часть своей «загадочности», по нашему мнению. И экономические достижения, и либерализация социальных отношений имеют свои основания и корни в традиционной культуре данного цивилизационного типа. Уникальным можно считать само это сочетание, при котором традиция не просто не препятствует социальному витию, но и способствует ему, вступая с современностью в такого рода творческий союз, в частности, в Азии, и ее лидирующей ролью в формировании пространства азиатской массовой культуры. Массовая и потребительская культура, таким образом, становится полигоном, где японские комментаторы стараются выявить японскую азиатскую идентичность и заново утвердить позицию Японии «в Азии, но одновременно над ней» благодаря ее беспрецедентной способности к усвоению иностранных культур. Этот аргумент, что Японию и Азию объединяет опыт «гибридной» модернизации, легко развивается в утверждение, что японский опыт может стать моделью для других азиатов...». Цунояма Сакаэ так же определяет новую идентичность Японии в сегодняшнем мире как, транслятора продуктов западной материальной культуры в Азию, облакающего их в формы, отвечающие запросам азиатского потребителя и условиям его бытия.

Справедливо обращая внимание на то, что истоки японской массовой культуры могут быть найдены в американской массовой культуре, японские ученые, на наш взгляд, несколько недооценивают тот факт, что японская массовая культура при этом имплицитно содержит в себе и привносит в Азию собственно японские смыслы, которые воспринимаются молодым поколением азиатов намного легче, чем рассуждения об «азиатских ценностях», которые идеологи Китая и ряда других

азиатских стран пытаются противопоставить влиянию западной массовой культуры.

Среди японских обществоведов, размышляющих над проблемой новой японской идентичности и ролью Японии в изменившемся мире, имеет место и такая точка зрения, что Япония не должна ассоциировать себя ни с Западом, ни с Востоком, а играть объединительную роль культурного посредника, выстроить мост между западными и азиатскими ценностями. Одним из разработчиков этой идеи является известный социолог Имада Такатоси, описывающий состояние сегодняшнего мира, где гегемония Запада уходит в прошлое, как состояние хаоса, в котором действуют разнонаправленные силы. По его мнению, для «хаотичного» мира самое главное – это преодолеть различия, не отрицая и не искореняя их. Именно Япония обладает уникальной способностью к «редактированию» различных культур и цивилизаций, и такого рода синтез может стать ее ролью в XXI в.³⁰

В целом усиление азиатской составляющей современной японской идентичности, как отмечают японские аналитики, не сопровождается антиамериканизмом. По утверждению Сугиты Агуси, Япония считается цивилизованной в той же мере, что и Запад, и поэтому «отвергается идея, что Япония и Запад различаются»; большинство японцев убеждены, что Япония является членом западного сообщества.

То есть в Японии исторически сложилась двуединая идентичность: внешняя (институциональная) – западная и внутренняя (духовно-нравственная) – дальневосточная. Трудно однозначно определить, какая сегодня является ключевой. Можно предположить, что на наших глазах в Японии происходит формирование новой идентичности, в которой противопоставление западной и восточной составляющих снимается в контексте синтеза, мыслимого в терминах соотношения глобального и локального измерений.

Анализируя сегодняшнюю ситуацию, японские ученые склоняются к мнению, что «на давление нелиберального проекта США и более широкого процесса глобализации Япония отвечает как жертва, подверженная этим давлениям. В результате в дискуссиях о глобализации не отражается роль Японии как промоутера глобализации, в частности в Южной Азии. Эти обсуждения ведутся, имея в виду Японию не как активного участника американского глобализационного проекта, а с точки зрения национальной перспективы, т.е. с точки зрения стремления выяснить, что должна сделать Япония, для того чтобы выжить».

Японская интеллектуальная элита намерена искать свой собственный путь вхождения в глобализацию, не копирующий полностью западный, и предлагать собственные сценарии глобализации, основан-

ные на идеях социального государства, гибкости глобальных норм, взаимоприемлемом сопряжении и гармонизации ценностей и смыслов, — и в будущем эти сценарии глобализации смогут оказывать влияние на ее конфигурацию.

Критическое восприятие перспектив приобщения исламской культуры-цивилизации к миру модернити связывается большинством «внешних» исследователей имен с особенностями исламской экзегезы. Мировосприятие, сформированное на протяжении четырнадцати веков в русле исламской традиции, продемонстрировало, в принципе, удивительную консервативность и жизнестойкость. Отрицание роли человека, как креативного существа, привело к окостенению исламской культуры и блокированию внутренних импульсов к развитию. Известный немецкий исследователь ислама Б. Тиби пишет, — «Религиозные фундаменталисты объявляют культурную современность не иначе как вирусом, поразившим ислам, и ослабившим исламскую цивилизацию. Политический ислам стремится изменить эту ситуацию. Тем самым, противодействовать культурной современности становится борьбой против Запада, в особенности — борьбой против интеллектуального вторжения в мир Ислама».

Среди основных культур-цивилизаций сегодняшнего мира Россия занимает весьма специфичное место. С точки зрения дихотомии традиции и современности, российское общество характеризуется внешним характером как того, так и другого. То есть институты современности (гражданское общество, рефлексивное участие в политическом процессе, выборность, многопартийность, разделе властей и др.) не рутинизированы. Институты традиции (органическая солидарность, неформальное содержание общественных отношений, ригидная нормативно-ценностная система и др.) сведены буквально, рудиментарному состоянию.

Российская культура-цивилизация стремительно теряет сегодня, на наш взгляд признаки как культуры, так и цивилизации, что перед социокультурными вызовами стороны глобализационных процессов представляется очевидной угрозой национальной безопасности страны. Социум, как и человек, потерявший память, больше не уверенный в том, кто он есть, понятия не имеющий — для чего и для кого он существует просто по определению не может являться субъектом самостоятельных и ответственных решений. Символическая система общества — во всех его институциональных горизонтах — является альфой и омегой социального организма, первым и последним бастионом в текущих и грядущих культурных сражениях в стремительно глобализующемся мире. Самое главное, что вызывает тревогу — это то, что российская

культура, как цивилизация вступает в эти сражения, по сути, символически обезоруженной, с «голыми руками» и в своей деконструированной беззащитной «телесности» (А. С. Панарин 'Шансы такого символически «разоблаченного» общества перед вызовами чужих агрессивных символических систем выглядят достаточно проблематичными. Символу |может противостоять только символ, поэтому социокультурные вызовы глобализации должны быть встречены российским обществом в соответствующем «оснащении». Сделать это должны именно мы – поколения «межвременья», если, конечно, в своем нетворческом агностическом малодушии не решимся отказаться от великого наследия, оставленного нам прошлыми поколениями – российской культуры и цивилизации, и не обречем испытать эффект отсутствия как одного, так и другого – поколения будущие.

Список литературы:

1. Кармадонов О. А. Эффект отсутствия: культурно-цивилизационная специфика // Вопросы философии. 2008. № 2.
2. Железнова Н. А. Глобализация: индийский ответ на мировой вызов // Вопросы философии. 2009. № 3.
3. Степанянс М. Т. Восточный сценарий глобального мира // Вопросы философии. 2009. № 3.
4. Карелова Л. Б., Чугров С. В. Глобализация: японская интерпретация социокультурных процессов // Вопросы философии. 2009. № 3.
5. Шупер В. А. Россия в глобализованном мире; альтернатива развития // Вопросы философии. 2008. № 12.

*З. В. Хохрина,
О. Ф. Морозова,
Г. А. Третьякова,
г. Красноярск*

Управление формированием культурного пространства АТР как фактор успешности социализации (методологические аспекты)

В последние десятилетия в обширном спектре психологических и методологических проблем, связанных с социализацией, на одно из ведущих мест выдвигается исследование хронотопических аспектов развития личности.

Это вызвано кардинальными изменениями «глобального хронотопа», который «состоит в ускорении» времени и «сжатии пространства», его «детерриторизации».